

Сытина Надежда Александровна

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОЦЕНКИ ВОСПРИЯТИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. Е. MAYNE HULL "THE WISHES WE MAKE")

В статье выявляются и анализируются способы выражения восприятия фантастической реальности и средства их реализации. Проблема взаимодействия человека и действительности, которая находит отражение в языке, остается актуальной, особенно если это касается какой-то необычной действительности. Автор в основном рассматривает лексические средства (эпитеты, сравнения, синонимы), которые эксплицируют восприятие человеком тех фантастических обстоятельств, в которых он оказался.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 196-198. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8;81:373

Филологические науки

В статье выявляются и анализируются способы выражения восприятия фантастической реальности и средства их реализации. Проблема взаимодействия человека и действительности, которая находит отражение в языке, остается актуальной, особенно если это касается какой-то необычной действительности. Автор в основном рассматривает лексические средства (эпитеты, сравнения, синонимы), которые эксплицируют восприятие человеком тех фантастических обстоятельств, в которых он оказался.

Ключевые слова и фразы: языковая оценка; фантастическая реальность; эстетизация; гуманизация; терроризация; эпитеты; сравнения.

Сытина Надежда Александровна, к. филол. н., доцент
Волгоградский государственный университет
sityna@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОЦЕНКИ ВОСПРИЯТИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. Е. MAYNE HULL «THE WISHES WE MAKE»)[©]

Как известно, окружающий мир воспринимается говорящим с точки зрения добра, зла, пользы и вреда, что находит соответствующее отражение в разнообразных оценках (положительных и отрицательных), при этом изображаемая действительность может быть реальной и фантастической. Основной специфической чертой фантастического мира, по мнению Т. В. Шульдешовой, является то, что этот мир может восприниматься: 1) как мир повседневной реальной действительности, которой не противостоит никакая другая, и этот мир, как правило, обнаруживается в сказках; 2) как мир, существующий параллельно с миром бытия, в большей или меньшей степени удаленный от него, и который существует в остальных жанрах фантастических произведений [2]. В данной работе нас интересует в большей степени параллельный мир, так как в волшебных сказках мотив оценки отсутствует, он не ложится в основу конфликта сюжета, и мотиву восприятия чудесного, необыкновенного уделяется не больше места, чем в современной прозе при описании случайной встречи двух людей.

В качестве материала исследования мы выбрали рассказ «The Wishes We Make» американской писательницы-фантаста А. Е. Майне Халл (Э. Мейн Халл), который относится к жанру психологической фантастики. В данной работе мы попытаемся проанализировать, как воспринимает и оценивает фантастическую действительность тот, кто сталкивается с ней, а именно главный герой рассказа *W. Kennijahn* (Уильям Кенниджан) [4].

Для начала определим, что представляет собой фантастическая реальность. Если опираться на традиционное понимание фантастики как особой формы отражения реальности, при которой автор создает ирреальный мир, основанный на фантазии, то рассказ Э. Мейн Халл с трудом можно назвать фантастическим, потому что фантастическому миру присущи следующие элементы:

1. время действия: будущее;
2. место действия: другая планета, параллельное пространство, неизвестная местность;
3. ввод необычных законов природы или физических условий;
4. фантастическая технология: машины и механизмы, оборудование;
5. вымышленные живые существа;
6. сложные формы общественного устройства [1].

Однако рассказ А. Е. Майне Халл «The Wishes We Make» практически лишен всех этих компонентов, которые свойственны фантастическому миру: там нет необычных существ, фантастических технологий или обществ со сложными формами устройства, поэтому в данном случае было бы правильнее говорить о восприятии фантастической действительности, которая характеризуется малым числом структурных элементов: время действия совпадает со временем написания, и фантастическое обстоятельство сводится к появлению в реальном мире необычных существ или изобретения; фантастическая компонента также носит локальный характер и оказывает влияние на ограниченный круг персонажей.

Если говорить о времени и месте действия анализируемого рассказа, то это реальное время и камера для смертников, в которой в ожидании исполнения приговора находится главный герой Уильям Кенниджан. Внезапно перед ним появляется существо и предлагает исполнить шесть его желаний. Именно с этого момента начинается восприятие этой случайной встречи и последующих событий.

Как показывает анализ, каждый контакт главного героя с существом начинается с восприятия, поэтому этот момент эксплицируется лексическими единицами, номинирующими данное существо при описании облика, и несущими в своей семантике понятие «animal» (животное): *creature – monstrosity – devil-thing – beast* (существо – чудовище – демон – зверь). Рассмотрим подробнее приведенные лексемы. *Creature – an animal, as distinct from a human being* (животное, не похожее на человека); *monstrosity (monster) – abnormally shaped animal, imaginary creature (half animal, half bird)* (животное с неправильной формы, нереальное существо, наполовину животное, наполовину человек); *devil-thing – the spirit of evil, wicked spirit of person or animal* (демоническое существо, злой дух человека или животного); *beast – an animal, especially a large or dangerous four-footed one* (животное, в частности, огромное и опасное четвероногое животное) [3].

Кроме того, согласно проведенному анализу, среди языковых единиц, эксплицирующих воздействие, восприятие и оценку явлений фантастического мира на лексическом уровне, выделяются глаголы, которые образуют синонимические ряды:

1) глаголы с семантикой «восприятие, видение»: *stare* «пристально смотреть, уставиться», *look* «взглянуть», *blink* «моргать», *peer* «всматриваться»: *Kennijahn stared around with a gathering horror* [4, с. 140]. / *Кенниджан со все возрастающим ужасом озирался*;

2) глаголы с семантикой «удивление»: *be astounded* «быть пораженным», *be struck* «быть изумленным»: *He was not afraid, only astounded* [Там же, с. 122]. / *Он совсем не испугался, только был поражен*;

3) глаголы с семантикой «испытывать дрожь»: *shiver* «вздрагивать, трястись», *shudder* «содрогнуться», *start* «пугаться», *shake* «дрожать»: *He started in spite of himself as the black caricature of human shape jerked into sight beside him* [Там же, с. 134]. / *Он тут же непроизвольно вздрогнул, когда перед его глазами внезапно предстала черная карикатура на человеческую фигуру*.

Экспрессия достигается также за счет эмотивной лексики и словосочетаний, выражающих положительные или отрицательные эмоции, физические состояния (удивление, страх, недоверие, ярость), соответствующие характеру воздействия нереального на человека: *incredulously* «с недоверием», *furiously* «яростно», *cried wildly* «возбужденно закричал», *grayly* «мрачно», *rage* «ярость», *blinding* «ослепляющий», *choking* «удушающий». Например: *A black rage twisted through Kennijahn* [Там же, с. 140]. / *Кенниджан прямо зашелся от ярости*. Вместе с тем конфликт главного героя с фантастической реальностью оборачивается конфликтом с самими собой и эксплицируется в реакции У. Кенниджана.

При анализе поведенческих ситуаций Уильяма Кенниджана при встрече с демоническим существом обращают на себя внимание лексические единицы, частотность которых достаточно высока в тексте, а именно эпитеты и сравнения. Вслед за Т. В. Шульдешовой [2] мы выделяем три основные группы лексических единиц, выражающих эстетизацию, гуманизацию, терроризацию. Рассмотрим подробнее данные лексические средства.

Явление эстетизации подразумевает генерирование чувства прекрасного, вызванное удивительным событием в жизни человека. Если мы обратимся к явлению фантастической реальности данного произведения, то обнаруживается, что эстетизация приобретает необычную форму, в силу тех обстоятельств, в которых оказывается главный герой, – он находится в тюрьме, и его ожидает смертная казнь. Эстетическое воздействие представителя мира небытия для Уильяма Кенниджана означает шанс избежать смертной казни и вырваться из тюрьмы, поэтому у него появляются надежды, которые автор усиливает эпитетом «радужные» (*high hopes*), и кошмар может стать реальностью, а именно «восхитительной» правдой (*wondrous truth*): *...this was real, no nightmare, no phantasmagoria, nothing but wondrous truth* [4, с. 128]. / *...это была реальность, а не кошмар и не фантасмагория; не что иное, как восхитительная правда*.

Эффект гуманизации предполагает проявление сострадания и милосердия у реципиента, предупреждение агрессивных действий, которые могли бы нанести вред не только существу небытия, но и самому человеку: *He stopped, horror fading before the matter-of-fact way the creature was regarding him* [Там же, с. 124]. / *Но тут он замолчал, почувствовав, как его неописуемый ужас улечучивается, натолкнувшись на невозмутимое спокойствие существа, которое как ни в чем не бывало разглядывало его*. «*I can give you about seven hundred thousand dollars*», *was the flat-voice reply* [Там же, с. 136]. / *Я могу дать тебе только семьсот тысяч долларов, – последовал монотонный ответ*. Таким образом, невозмутимое спокойствие существа, его монотонный ответ – все это говорит о том, что он не принесет никакого вреда главному герою. Вместе с тем и сам У. Кенниджан, у которого появился шанс изменить свою судьбу благодаря внезапно появившемуся существу, также пытается проявить внешнее самообладание и выдержку: «*You're a demon?*» *Kennijahn spoke with gathering interest*. – «*I'm Drdr*». – «*A what?*» [Там же, с. 126] / *Ты что, демон? – проговорил Кенниджан со все возрастающим интересом. – Я Дрдр. – Что?* Его страх отступает, он проявляет интерес и любопытство к фантастической реальности.

Что касается терроризации героя, то при описании облика демонического существа используются определенные эпитеты и сравнения. Особенно выразительна в этом отношении первая встреча главного героя с существом: *The creature regarded him intently from its one gleaming red eye, its fantastic black body twisted curiously, as if that half-human shape was but a part of its form, the remaining portion being somehow out sight* [Там же, с. 122]. / *Существо пристально рассматривало его своим единственным сверкающим красным глазом, при этом его фантастическое черное тело было странным образом скрючено, как если бы эта получеловеческая фигура была лишь частью целого, другая половина которого оставалась невидимой*. Несмотря на многократную встречу героя с существом, он по-прежнему остается для него монстром из другого мира. Более того, оказавшись бессильным изменить что-либо в своей судьбе, Кенниджан воспринимает чудовище как черную, противную, хитрую скотину, что характеризует уже не внешние признаки существа, а его подлое отношение к Кенниджану: *...and then, there was the black, the loathsome, the treacherous beast* [Там же, с. 180]. / *И тогда эта черная, противная, хитрая скотина появилась*.

Обращает на себя внимание также тот факт, что эпитеты как средство оценки разнообразны с точки зрения их семантических особенностей. Если рассмотреть эпитеты с точки зрения тематической принадлежности, то можно выделить две большие группы. Первая группа – это эпитеты, отражающие различные аспекты чувственного восприятия мира, а именно характеризующие зрительный образ фантастического мира, в данном случае существа – цвет, форму, размер: *jet-black monstrosity* «черное, как сажа, чудовище», *hideous mouth* «омерзительный рот», *great, blazing eye* «огромный сверкающий глаз»: *There was something about the monstrous little devil-thing that did things to his insides* [Там же, с. 136]. / *В этом чертовом чудовище было что-то такое, от чего у него все переворачивалось внутри*; звуковой образ – голос монстра и темп речи: *the slow*

answer «неторопливый ответ», *the calm reply* «невозмутимый ответ»: «*You didn't ask for memory,*» *the thing replied calmly* [Там же, с. 140]. / *А ты не просил, чтобы тебе оставили память, – последовал невозмутимый ответ.* Вторая тематическая группа – эмоциональные и эмоционально-оценочные эпитеты. Они характеризуют душевное состояние У. Кенниджана, его чувства и оценку переживаемых событий: *tremendous shock* «ужасный шок», *terrible pain* «жуткая боль», *gathering horror* «возрастающий ужас», *miserable scoundrel* «сукин сын»: *Kennijahn burst out, «Why you miserable scoundrel. You knew I wanted memory»* [Там же, с. 142]. / *Кенниджан взорвался: «Ты, сукин сын! Ты ведь знал, что мне нужно оставить память».*

Таким образом, восприятие фантастической реальности находит отражение в языковых оценках главного героя, которые объективируют реакцию человека на необычайные обстоятельства и эксплицируются главным образом лексическими средствами, а именно эпитетами, сравнениями, синонимами.

Список литературы

1. Мзареулов К. Фантастика. Общий курс [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/mzar/ (дата обращения: 24.07.2013).
2. Шульдешова Т. В. Языковые средства оценки фантастического мира в британской фольклорной прозе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/referats/CB8191DC3C3E4F10A0A805EF3757E4C4#> (дата обращения: 15.07.2013).
3. Oxford Dictionary of English [Электронный ресурс]. URL: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 15.07.2013).
4. Vogt A. E. van., Mayne Hull E. The Wishes We Make and Other Stories: параллельные рассказы на английском и русском языке: сб. / сост. Л. Д. Лебедева. М.: Астрель; АСТ, 2005.

LANGUAGE MEANS OF FANTASTIC REALITY PERCEPTION ASSESSMENT (BY A. E. MAYNE HULL "SSTORY "THE WISHES WE MAKE" MATERIAL)

Sytina Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volgograd State University
sytina@yandex.ru

The expression ways of fantastic reality perception and their realization means are revealed and analyzed in the article. The man and reality interaction problem, which is reflected in the language, remains topical, especially if it concerns some unusual reality. The author mainly considers lexical means (epithets, similes, synonyms) that make the man's perception of those fantastic conditions, under which he (she) appeared, explicit.

Key words and phrases: language assessment; fantastic reality; aestheticization; humanization; terrorization; epithets; similes.

УДК 81'25

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности фонетики русской речи канадских духоборов провинции Саскачеван. Ранее речь этого этнического меньшинства не подвергалась системному фонетическому изучению и описанию. В качестве материала для анализа использовалась спонтанная речь, записанная в ходе диалогов с исследователями и рассказов духоборов о своей жизни, традициях и обычаях.

Ключевые слова и фразы: взаимодействие фонетических систем; диалектная фонетика; фонетика английского языка; фонетика украинского языка; северорусские и южнорусские диалекты; русский язык в иноязычном окружении.

Тананайко Светлана Олеговна, к. филол. н.
Васильева Людмила Анатольевна
Санкт-Петербургский государственный университет
stananaiko@mail.ru; lavasil@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ КАНАДСКИХ ДУХОБОРОВ[©]

Тема данной работы – особенности русской речи канадских духоборов провинции Саскачеван. Материалом для работы послужили записи русской речи шести канадских духоборов провинции Саскачеван [2, с. 146]. Важно подчеркнуть, что целью исследования было именно описание спонтанной разговорной русской речи канадских духоборов, а не реализация заученных ритуальных текстов, которые часто воспроизводятся во время богослужений по памяти или по записям.

С точки зрения сегментной фонетики, речь канадских духоборов представляет собой своеобразный результат различных по времени и генезу влияний: на русскую диалектную речь, в которой проглядывают архаичные особенности исконных говоров (такие как цоканье-чоканье), наложились южнорусские и восточноукраинские особенности, проникшие в духоборческую русскую речь в XIX веке, когда духоборы были